

Судебно-психіатрическій случай ¹⁾.

(Убийство, совершенное эпилептикомъ).

И. И. Наумова.

Судебно-психіатрическая практика показываетъ, что масса преступленій совершается лицами, страдающими эпилепсіей. „Нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ проф. Ковалевскій, что во многихъ случаяхъ преступленій эпилептиковъ возникаютъ недоразумѣнія и несогласія какъ между экспертами (медиками) и судомъ, такъ и между судьями“.

Съ судебно-медицинской точки зрѣнія, по мнѣнію проф. Ковалевскаго, можно дѣлить всѣ случаи эпилепсіи на три отдѣла: 1) случаи эпилепсіи, когда умственныя способности больного въ промежуткѣ между припадками эпилепсіи совершенно не тронуты и не пострадали; 2) случаи эпилепсіи, когда приступы эпилепсіи сопровождаются временными буйствами, т. е. временнымъ пораженіемъ умственныхъ способностей и 3) случаи эпилепсіи, когда въ промежуткахъ приступовъ эпилепсіи больной обнаруживаетъ переходъ въ эпилептическое слабоуміе. Соотвѣтственно этимъ тремъ группамъ различаютъ и три степени вмѣняемости: для первой группы—полную вмѣняемость, для второй—не полную и для третьей—полную невмѣняемость ²⁾.

¹⁾ Сообщено въ засѣданіи 0-ва невропатологовъ и психіатровъ въ Казани 26 сентября 1900 года.

²⁾ Ковалевскій. Эпилепсія, ея леченіе и судебно-психіатрическое значеніе. Стр. 228.

„Что касается самого приступа эпилепсіи, то едва-ли даже можетъ быть и рѣчь о вмѣняемости преступника въ этотъ моментъ. Больной теряетъ сознание, слѣдовательно всѣ поступки его въ этотъ моментъ вполне безсознательны, болѣзненны, а потому и невмѣняемы“¹⁾.

Дѣло труднѣе представляется при рѣшеніи вопроса о предъ-эпилептическомъ состояніи и послѣ-эпилептическомъ состояніи.

„Объ этомъ состояніи можно сказать, что оно можетъ быть невмѣняемо и вмѣняемо, но вмѣняемость должна быть условная и находится въ зависимости отъ мнѣнія экспертовъ, или точнѣе отъ доказательности и убѣдительности экспертизы“²⁾.

Приходя къ окончательному слову, проф. Ковалевскій считаетъ себя въ правѣ сдѣлать такіе выводы:

Въ различные моменты жизни эпилептиковъ вмѣняемость преступленій ихъ можетъ быть тройкая: вмѣняемость полная, вмѣняемость условная или смягченная и полная невмѣняемость.

Полная вмѣняемость бываетъ въ свѣтлые промежутки, когда умственная и нравственная стороны жизни эпилептика остались нисколько не тронутыми и не пораженными; условная или уменьшенная вмѣняемость относится къ тѣмъ случаямъ, когда на здоровые выводы неповрежденнаго разсудка эпилептика вліяли болѣзненныя проявленія страсти или органовъ чувствъ; и, наконецъ, полная невмѣняемость относится ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда умственные и нравственные способности потерпѣли значительный ущербъ отъ эпилептическихъ припадковъ; сюда относятся: самые припадки эпилепсіи, отчасти до-и послѣ-эпилептическое состояніе, состояніе эпилептического слабоумія и отчасти промежуточный періодъ перехода отъ здраваго ума къ слабоумію и приступъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 229—230.

²⁾ Тамъ же, стр. 233.

психической эпилепсии. Во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ требуется научная экспертиза.

„Вопросъ о способности ко вмѣненію эпилептиковъ, говорить Крафтъ-Эбингъ ¹⁾, допускаетъ только конкретное рѣшеніе его по отношенію къ каждому данному случаю въ отдѣльности.

Тотъ фактъ, что нѣкоторые эпилептики остаются всю свою жизнь пощаженными отъ психическихъ разстройствъ, не позволяетъ признавать эпилепсію безусловнымъ основаніемъ для ненаказуемости преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ больными ею. Однако же, статистика доказываетъ, что подобные случаи психической неповрежденности въ концѣ концовъ слѣдуетъ считать исключеніями изъ общаго правила, потому что у огромнаго большинства эпилептиковъ наблюдають,— временно, или постоянно,—различныя психическія разстройства; этимъ статистическимъ доказательствомъ вполне оправдывается логическое требованіе, чтобы всякій разъ, когда подсудимымъ является эпилептикъ, судомъ возбуждался вопросъ о способности ко вмѣненію такого подсудимаго.

Тогда какъ невмѣняемость эпилептиковъ съ рѣзко выраженными признаками психическаго вырожденія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, встрѣчаются, напротивъ того, величайшія затрудненія при обсужденіи тѣхъ случаевъ, когда изслѣдуемый эпилептикъ, повидимому, оказывается душевно-здоровымъ, по крайней мѣрѣ—во время судебно-медицинскаго наблюденія за нимъ, а между тѣмъ нѣкоторыя обстоятельства совершеннаго имъ преступнаго дѣянія (безцѣльность, жестокость, смутное воспоминаніе о содѣянномъ) невольно заставляютъ усомниться въ его психическомъ здоровьи. Эпилепсія, конечно, сама по себѣ не служитъ основаніемъ для уничтоженія способности ко вмѣненію, но при мимолетности и ча-

¹⁾ Судебная психопатологія, стр. 287—288.

стомъ появленіи при ней психопатическихъ состояній, при всегда существующей здѣсь возможности, что наказуемое дѣяніе находилось въ тѣсной связи съ незамѣченнымъ эпилептическимъ приступомъ (можетъ быть обморочнымъ или ночнымъ!), или было совершено во время перехода сознанія изъ эпилептическаго омраченія его въ ясное состояніе—судья всегда имѣетъ полное основаніе быть въ высшей степени осторожнымъ при обсужденіи подобныхъ случаевъ и снисходительнымъ при опредѣленіи степени виновности несомнѣнныхъ эпилептиковъ.

Немало судебныхъ ошибокъ, повлекшихъ за собою даже смертную казнь, было сдѣлано, благодаря только тому, что на судѣ не было обращено надлежащаго вниманія на эпилепсію. Вспомнимъ также, сколько эпилептиковъ встрѣчается между людьми, отбывающими наказанія въ тюрьмахъ и другихъ карательныхъ учрежденіяхъ.

Основное положеніе Закхіаса, что преступныя дѣянія эпилептиковъ, совершаемыя въ теченіи 3 дней, предшествующихъ падучному припадку и слѣдующихъ за нимъ, должны остаться ненаказуемыми,—проникнуто добрымъ намѣреніемъ, но непрактично. И здѣсь нельзя установить никакого общаго правила. Одинъ эпилептикъ приходитъ въ полное сознаніе послѣ приступа уже черезъ полчаса, а другой—только черезъ нѣсколько дней. Но, конечно, важное значеніе для суда долженъ бы былъ имѣть другой принципъ, а именно тотъ, что эпилепсія, разъ она доказана, уже сама по себѣ служитъ основаніемъ для смягченія наказанія, и старинное юридическое положеніе „in dubio pro reo“ должно бы находить здѣсь свое полное примѣненіе. Благодѣяніе смягчающихъ вину обстоятельствъ, признаваемыхъ прогрессивными законодательствами нашего времени, сказывается въ особенности въ этихъ случаяхъ, гдѣ врачебная наука часто является во всеоружіи своихъ техническихъ доказательствъ, указывая на громадное значеніе психоза, овладѣвающаго всею нервною системою, но сплошь и рядомъ бываетъ не въ состояніи входить въ даль-

нѣйшее, желательное для всѣхъ, разъясненіе подробностей даннаго случая“.

Разсматриваемый нами случай представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что испытуемой И., свершившей преступленіе, до поступленія въ Казанскую Окружную Лечебницу, гдѣ мнѣ его пришлось наблюдать, находился болѣе мѣсяца въ Челябинской тюремной больницѣ, гдѣ, какъ это видно изъ исторіи болѣзни, былъ подвергнутъ д-ромъ Ю. самому тщательному и всестороннему наблюденію и изслѣдованію какъ съ физической, такъ и съ психической стороны, и тѣмъ не менѣе на основаніи своихъ наблюденій д-ръ Ю. категорическаго заключенія о существованіи эпилепсіи у И. не далъ. Мотивированное мнѣніе д-ра Ю. я считаю здѣсь вполне умѣстнымъ привести цѣликомъ. „Разсматривая настоящую исторію наблюденій надъ состояніемъ умственныхъ способностей И., говоритъ д-ръ Ю., въ ней нельзя найти ясныхъ указаній къ признанію у него какой-либо психической болѣзни. Выраженныхъ припадковъ временной потери сознанія, а тѣмъ болѣе характернаго эпилептическаго приступа, также не констатировано. Всѣ распросы, увѣренія И. о его болѣзни, подтвержденные и его родителями, показанія заключенныхъ о болѣзненныхъ припадкахъ, бывшихъ въ тюремномъ замкѣ и больницѣ, безъ констатированія болѣзни объективнымъ наблюденіемъ для опредѣленія состоянія умственныхъ способностей И. значенія не имѣютъ. Напротивъ, множество разказовъ И. о его высокихъ дарованіяхъ, о значеніи, которое онъ имѣлъ въ своемъ обществѣ, многія дѣйствія его, какъ напр. неправильное и грубое поведеніе, особенно въ послѣдніе дни наблюденій за нимъ, зарываніе въ солому, своевольное поведеніе, прекратившіяся съ переводомъ въ тюремный замокъ, гдѣ присмотръ строже, носятъ попытку симуляціи.

Изъ объективныхъ явленій были констатированы временное дрожаніе тѣла или одиночные судороги той или другой мышцы, одновременное странное выраженіе лица, временная малоподвижность его, измѣненіе механизма рѣчи, носовое бро-

вотеченіе и послѣдовательная наклонность ко сну. На основаніи чего должно заключить, что И. можетъ быть одержимъ эпилептическими припадками съ временной потерей сознанія со времени нанесенія ушибовъ головы при паденіи съ высоты“.

Относительно мнѣнія д-ра Ю. я скажу ниже, а теперь приведу данныя слѣдствія и результаты своихъ наблюденій и изслѣдованій надъ И. въ Казанской Округной Лечебницѣ.

Въ ночь на 21 Іюля 1889 года въ четырехъ верстахъ отъ Міясской станицы Челябинскаго уѣзда, по дорогѣ въ село Бродокалмакское, убиты были топоромъ крестьяне Бѣлоярской волости, дер. Боровой Александръ Федотовъ Мухаркинъ и Степанъ Семеновъ Пашнинъ, у которыхъ ограблены были лошадь съ телѣгой и бывшія при нихъ деньги въ кошелькахъ около 70 рублей.

Судебно-медицинскимъ вскрытіемъ труповъ констатировано, что смерть Александра Мухаркина и Степана Пашнина послѣдовала отъ раздробленія черепныхъ костей тупымъ орудіемъ. 21 Іюля похищенная у убитыхъ лошадь съ телѣгой найдены были въ 1½ верстахъ отъ поселка Шибанова, завязшія въ болотѣ, такъ-что пришлось вытаскивать ихъ съ помощію людей. По произведеннымъ розыскамъ оказалось, что крестьяне Александръ Мухаркинъ и Степанъ Пашнинъ 18 Іюля отправились изъ своей деревни съ четырьмя возами хлѣба въ городъ Челябинскъ, гдѣ они этотъ хлѣбъ продали и на часть вырученныхъ денегъ закупили соли, которою нагрузили три телѣги, а въ четвертую посадили какого-то рыжеватаго человѣка съ его женой и ребенкомъ, подрядившихъ Мухаркина довести ихъ до села Бродокалмакскаго черезъ деревню Боровую. Ночью съ 20 на 21 Іюля возчики остановились на ночлегъ въ четырехъ верстахъ отъ Міясской станицы, гдѣ и были убиты. Рыжеватый-же человѣкъ, оказавшійся крестьяниномъ села Некрасова Ивановъ И., гдѣ-то скрылся. На него то и пало подозрѣніе въ убійствѣ Мухаркина и Пашнина.

И. имѣлъ намѣреніе на взятой имъ лошади убитыхъ добраться въ свою деревню, но не зная дороги, въ 12 верстахъ отъ Міаской станицы заѣхалъ въ болото, въ которомъ лошадь до того завязла, что онъ долженъ былъ бросить ее. Оставшись безъ лошади, И. съ женою принуждены были

идти пѣшкомъ по неизвѣстной имъ мѣстности и только благодаря встрѣчѣ съ крестьяниномъ Феодоромъ Воронинымъ, которому они назвались изъ села Канева, попали на хороший путь въ с. Попово. Только въ 6 верстахъ отъ села Бродокалмакскаго И., подрядилъ Егора и Василя Невѣровыхъ довести его до села, при чемъ онъ называлъ себя жителемъ Каменскаго завода. За симъ изъ Бродокалмакскаго И. подъ названіемъ Камышловскаго жителя безостановочно ѣдетъ по тракту въ городъ Шадринскъ, въ село Нижне-Петропавловское, отсюда сворачиваетъ съ большой дороги по направленію въ Каменскій заводъ, въ д. Букаево и 22 іюля ночью прибываетъ въ Каменскій заводъ, гдѣ, накупивъ для жены разныхъ вещей: сахару, пару мужского платья, шаль, дипломатъ, ситцу и платковъ, отправляется на другой день въ село Некрасово, гдѣ онъ и былъ задержанъ (л. д. 14—92). Будучи привлеченъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, Иванъ И., не признавая себя виновнымъ, объяснилъ приставу 3 стана Камышловскаго уѣзда, что онъ въ г. Челябинскѣ подрядилъ 2-хъ неизвѣстныхъ ему лицъ, ѣхавшихъ въ Бродокалматскъ за покупками. По приѣздѣ на базарной площади выдалъ имъ деньги.

Судебному же слѣдователю 2 участка Челябинскаго уѣзда Оренбургской губерніи показалъ, что 20 іюля онъ нанялъ въ городѣ Челябинскѣ ѣхавшихъ съ солью въ дер. Боровую Александра Мухаркина и Степана Пашнина отвезти его въ село Бродокалматское. На ночлегъ они остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдены были убитые. Съ ними былъ еще вышедшій изъ арестанскихъ ротъ Петръ Соколовъ. Ночью онъ И. проснулся отъ крика и увидѣлъ, что Соколовъ убилъ Мухаркина и Пашнина и самъ бѣжалъ. Испугавшись, онъ И. запрягъ лошадь и уѣхалъ на ней, боясь, чтобы на него не пало подозрѣнія въ убійствѣ. Но, не доѣзжая поселка Шибанова, по незнанію дороги заѣхалъ въ болото и не могъ оттуда выѣхать. Затѣмъ онъ 22 іюля добрался до своего села Некрасова, гдѣ онъ былъ арестованъ. Кто ограбилъ деньги у потерпѣвшихъ—ему неизвѣстно (лис. д. 95).

Допрошенная въ качествѣ обвиняемой Палагея И. заявила, что Мухаркинъ и Пашнинъ были убиты ея мужемъ Иваномъ И., когда она спала. Совершивъ убійство, ея мужъ разбудилъ ее и велѣлъ собираться въ дорогу. Мужъ ея похитилъ у убитыхъ бывшія у нихъ деньги въ кошелькахъ, но сколько

тамъ было денегъ, не говорилъ. Соколова на ночлегъ не было. Сама она участія въ убійствѣ не принимала, не доносила-же она о сдѣланномъ преступленіи изъ любви къ мужу (лист. д. 114 и 130).

Петръ Соколовъ показалъ, что дѣйствительно встрѣтилъ на дорогѣ Мухаркина и Пашнина, ѣхавшихъ съ солью, но, не дождая пяти верстъ отъ станицы Міясской, отсталъ отъ нихъ и ночевалъ въ станицѣ. Объ убійствѣ ему ничего не извѣстно (лист. д. 133 и 162).

На вторичномъ допросѣ Иванъ И. чистосердечно сознался, что онъ убилъ крестьянъ Мухаркина и Пашнина на ночлегѣ около Міясской станицы и объяснилъ, что когда одинъ изъ возчиковъ уснулъ, а другой сидѣлъ съ нимъ у костра, то онъ И., ударомъ топора лишилъ его жизни, а потомъ тѣмъ-же топоромъ онъ убилъ и другого спавшаго крестьянина.

Въ это время жена его спала и не видѣла обстоятельствъ совершенія убійства. По совершеніи убійства онъ разбудилъ жену, запрягъ лошадь и уѣхалъ на ней, но засѣлъ въ болотѣ.

Соколовъ въ убійствѣ съ нимъ не участвовалъ. Означенное убійство было имъ совершено безъ обдуманнаго намѣренія, а въ состояніи умственного помраченія. Онъ страдаетъ эпилептическими припадками и у него бываютъ частыя головокруженія съ того момента, какъ онъ упалъ съ водокачки во время службы на Екатеринбургско-тюменской желѣзной дорогѣ (163 и 279).

Свидѣтели Татьяна, Катерина и Василий Григорьевы показали, что Мухаркинъ и Пашнинъ купили у нихъ соли 80 пудовъ на 30 рублей (лист. д. 156); при этомъ Катерина добавила, что у Мухаркина и Пашнина остались еще много денегъ.

Устинья Пашнина объяснила, что мужъ ея продалъ 47 пудовъ пшеницы, за которую, какъ она узнала, выручилъ 49 руб. (лист. д. 165).

Для выясненія вопроса о томъ, страдаетъ-ли И. какими-либо припадками, былъ произведенъ большой повальный обыскъ (л. 286—290) и допрошены свидѣтели: Козьма Исаковъ, Егоръ Исаковъ и Платонъ Лазуновъ (д. 253 и 254), а также тюремные надзиратели: Ефимъ Корневъ, Григорій Ружненко и Михаилъ Гавриловъ (лис. д. 303 и 307) и смотритель тюрьмы Григорій

Половниковъ (лист. д. 306). При этомъ повально обысканные, а также и остальные свидѣтели единогласно заявили объ И., какъ о человѣкѣ выдающемся изъ среды своимъ умомъ; нѣкоторые изъ односельчанъ показали, что И., будучи замѣшанъ въ кражѣ и поджогѣ сѣна, не считался въ селѣ за человѣка хорошаго поведенія. Допрошенные по ссылкѣ обвиняемаго Яковъ Язовъ и Никифоровъ подтвердили, что Иванъ И. дѣйствительно упалъ на песокъ съ лѣсовъ строившейся водоканчки, высотой не менѣе сажени, но сейчасъ же всталъ и продолжалъ работать, но ни тогда, ни послѣ того не жаловался на боль въ головѣ (лис. д. 296 и 297); только *отецъ обвиняемаго Яковъ И., мать Аксинья И., жена Пелагея И. и Яковъ Язовъ подтвердили, что обвиняемый И. страдаетъ припадками, послѣ которыхъ впадаетъ въ продолжительный сонъ* (лист. д. 283, 391, 318 и 321).

По отзыву начальника XI участка Уфимско-Златоустовской желѣзной дороги, И., бывшій тамъ рядовымъ камнетесомъ, считался толковымъ и способнымъ работникомъ, но не пользовался довѣріемъ ни начальства, ни конторы, такъ какъ онъ не рассчитывалъ рабочихъ, а потомъ, работая за поручительство другого, обманулъ его подложною роспискою и неотдачею заимообразно взятыхъ имъ у него денегъ (лист. д. 145 — 247).

Для испытанія умственныхъ способностей и здоровья И. былъ помѣщенъ въ тюремную больницу, гдѣ пробылъ съ 25 Сентября по 30 Октября 1890 года, какъ видно изъ скорбнаго листа за № 233. Тюремный врачъ, не смотря на пребываніе И. въ больницѣ больше мѣсяца, не пришелъ ни къ какому положительному результату относительно болѣзни испытываемаго, однако заключилъ, что поведеніе И. въ больницѣ носило на себѣ попытки симуляціи (лист. д. 207—248).

При освидѣтельствованіи И. въ особомъ присутствіи Оренбургскаго губернскаго правленія у И. не найдено никакихъ поврежденій, на которыя онъ ссылается, какъ на причину появленія эпилептическихъ припадковъ, причемъ члены врачебнаго отдѣленія нашли, что изъ дѣла не видно, чтобы И. страдалъ этими припадками до и во время совершенія преступленія. Для разрѣшенія-же вопроса о томъ, насколько И. психически здоровъ въ настоящее время и страдаетъ-ли припадками эпилепсіи, необходимо отправить И. въ одно изъ специальныхъ учрежденій этого рода (л. 224—226).

Въ Казанскую Окружную Лечебницу И. поступилъ 18 мая 1891 г., а выписанъ 11 апрѣля 1892 г.

Наблюденіе и изслѣдованіе надъ нимъ показали слѣдующее:

Испытуемый росту 175,5 с., обхватъ груди 92 с., тѣло-сложенія крѣпкаго, питаніе довольно удовлетворительное, кожа и видимыя слизистыя оболочки нормально окрашены, подкожный жиръ отложенъ въ умѣренномъ количествѣ, въ строеніи мышечной и костной системъ ничего ненормальнаго не замѣчается. Въ размѣрахъ черепа уклоненій нѣтъ, по формѣ черепъ суббрахицефалическій. Зрачки умѣренно расширены, на свѣтъ и боль реагируютъ удовлетворительно, твердое небо нѣсколько приподнято, съ валикомъ по срединѣ, зубы построены неправильно, стоятъ косо одинъ къ другому, языкъ обложенъ бѣловатымъ налетомъ, при высовываніи дрожить. Въ органахъ груди и живота болѣзненныхъ уклоненій не замѣчается; пульсъ 64 въ 1', средняго наполненія. Рефлексы пателлярные, мышечные, кожные и на *m. cremaster* повышены, кожные безъ особенныхъ измѣненій. Болевая чувствительность значительно понижена и больше на лѣвой половинѣ, чѣмъ на правой. Цвѣтоощущеніе правильно, периферическій слухъ слѣва ослабленъ, костная проводимость понижена на правой половинѣ головы. 10% *Acid. mur.* назвалъ сладкимъ, 10% растворъ *chinini sulfurici*—какъ клюква, сахарный сиропъ—кисловатымъ.

Въ первое время по поступленіи въ лечебницу испытуемый давалъ крайне неопредѣленные отвѣты относительно своего состоянія, своего положенія, своей подсудимости, времени года и вообще времени, говоря только, что теперь лѣто и ссылаясь на то, что онъ рѣшительно ничего не помнитъ съ 1889 г. и не знаетъ, гдѣ и какъ онъ провелъ время, не помнитъ будто-бы и о томъ, былъ-ли онъ въ какомъ-нибудь тюремномъ замкѣ и за что. Но уже 29 Мая и особенно позднѣе выяснилось, что понятіе о времени у испытуемаго хорошо сохранено, что онъ подтвердилъ правильною передачею фактовъ, имѣвшихъ мѣсто уже послѣ его ареста. Относительно убійства крестьянъ Мухаркина и Пашнина И. давалъ также въ разное время неодинаковыя объясненія. Такъ, на другой день по поступленіи въ лечебницу онъ положительно отрицалъ всякое участіе въ фактѣ убійства и высказалъ, что ему совершенно ничего неизвѣстно про убійство вышеназванныхъ крестьянъ и ему никто объ этомъ ничего не говорилъ. Черезъ недѣлю времени И., спрошенный по

дѣлу объ убійствѣ, высказалъ, что онъ отъ кого-то, не знаетъ здѣсь, не знаетъ въ другомъ мѣстѣ, слышалъ, что онъ обвиняется въ убійствѣ ямщиковъ, но самъ онъ объ этомъ фактѣ сообщить ничего не можетъ, такъ какъ не помнитъ, чтобы кого-нибудь убивалъ. И если обвиняютъ его, то, какъ онъ думаетъ, вѣроятно по злобѣ, и должно быть инженеръ Бѣлобородовъ, у котораго онъ служилъ и который не платилъ ему за работу денегъ. Затѣмъ, говоритъ И., Бѣлобородовъ возложилъ на него кладку казенныхъ зданій на желѣзной дорогѣ и за эту кладку также ему ничего не заплатилъ. Далѣе испытуемый будто-бы открылъ на Уралѣ въ большомъ количествѣ мраморъ, на который получили уже большія заказы. Мраморъ этотъ Бѣлобородовъ перевелъ на себя. Вотъ изъ за всего этого у нихъ и были между собой неудовольствія и въ отмѣстку Бѣлобородовъ вѣроятно взвелъ на испытуемаго еще обвиненіе въ убійствѣ.

Наконецъ, спрошенный 6 Іюня относительно убійства въ Іюль 99 г. крестьянъ д. Боровой Мухаркина и Пашнина, испытуемый сначала отозвался полнымъ незнаніемъ дѣла, ссылаясь на то, что съ Іюля 89 г. онъ рѣшительно ничего не помнитъ. Когда-же ему было указано, что такое его заявленіе совершенно несогласно съ обстоятельствами дѣла, что свидѣтельскими показаніями вполне выяснено, что испытуемый совершилъ убійство въ сознаніи, и что наконецъ грубая ложь со стороны испытуемаго можетъ лишь повредить ему, то онъ послѣ долгаго раздумья сначала высказался такъ: „можетъ быть дѣйствительно и я убилъ крестьянъ, я вѣдь не отрицаю этого. Я только не помню факта убійства“. На замѣчаніе, что это неправда и что разъ испытуемый уже вполне чистосердечно сознался судебному слѣдователю 2 уч. Челябинскаго уѣзда въ убійствѣ, онъ отвѣтилъ: „я вполне признаю справедливымъ показаніе судебному слѣдователю“. На вопросъ: т. е. ты, значить, признаешь, что дѣйствительно ты убилъ Мухаркина и Пашнина и помнишь объ этомъ, — отвѣтилъ „да“. Послѣ нѣкоторой паузы испытуемый замѣтилъ: „но что было послѣ убійства, я не помню“. Впослѣдствіи 25 Іюня И. между прочимъ передалъ слѣдующія подробности. Въ то время, какъ онъ съ убитыми имъ крестьянами остановился на ночлегъ, у нихъ (крестьянъ) сначала между собой былъ изъ за разныхъ денежныхъ вопросовъ довольно крупный разговоръ и потомъ зашелъ общій вопросъ относительно религіи, въ которомъ принялъ участіе и испы-

туемый. Сначала разговоръ шелъ довольно еще ровно, а потомъ принялъ очень острый характеръ особенно потому, что одинъ изъ убитыхъ былъ старовѣръ, а другой убитый и онъ, испытуемый, православные. На вопросъ: при нанесеніи ударовъ топоромъ первому изъ крестьянъ (который, какъ видно изъ дѣла, не спалъ) издавалъ-ли послѣдній крики,—испытуемый отвѣтилъ: „нѣтъ, онъ не кричалъ, а лишь простоналъ“. Настроеніе испытуемаго было рѣзко измѣнчивое. Въ первое время по поступленіи въ Лечебницу И. былъ повидимому болѣе или менѣе равнодушенъ, онъ не интересовался своимъ положеніемъ, не заглядывая въ свое будущее, не обращая вниманія на окружающее, самъ никогда не вступалъ въ разговоръ, а отвѣчалъ лишь тогда, когда его о чемъ-нибудь спрашивали. По временамъ испытуемый былъ грустенъ, плакалъ, жаловался на головную боль и боль въ области сердца, сильную раздражительность и неопредѣленную тоску, доходящую по временамъ до того, что испытуемый въ это время говорилъ: „если-бы кто попалъ подъ руку, убилъ-бы“; просился въ буйное отдѣленіе „изъ боязни, чтобы не надѣлать чего-нибудь въ безпокойномъ отдѣленіи“, жаловался на боль въ сердцѣ, которая, по словамъ испытуемаго, нарастала какъ давленіе пара въ машинѣ, просилъ для облегченія выпустить кровь изъ сердца, жаловался, что ему изъ сердца бросается что-то въ голову и обуславливаетъ сильныя боли въ головѣ. Бывало и наоборотъ, что иногда незначительный поводъ въ томъ или другомъ направленіи вызывалъ у И. благодушное, веселое, даже „счастливое“ настроеніе. Иногда это случалось повидимому и безъ всякаго повода. Вообще относительно настроенія испытуемаго нужно сказать, что оно отличалось крайнею неустойчивостью: подавленность, капризность, раздражительность, тоска почти то и дѣло смѣнялись хорошимъ, благодушнымъ настроеніемъ, и наоборотъ. Память какъ прошлаго, такъ и недавнихъ событій, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда у испытуемаго, по его словамъ, бывали припадки, сохранена. И. помнитъ разныя детали изъ своей прошлой жизни и текущія событія также сохраняются въ его памяти. Сознаніе собственной личности, мѣста, времени, окружающаго и цѣли пребыванія у испытуемаго вполне ясное и правильное. Кругъ представленій, принимая во вниманіе социальное и бытовое его положеніе, вполне достаточенъ. Въ разговорахъ съ окружающими И. нерѣдко проявляетъ даже нѣ-

которую долю остроумія. Его сужденія вполне логичны, а что касается многихъ житейскихъ вопросовъ, то взгляды его здѣсь носятъ вполне правдивый и реальный характеръ, указывающій на практическую опытность подсудимаго. Въ сферѣ представленій бредовыхъ идей и обмановъ чувствъ замѣчено не было. Въ поведеніи испытуемаго нельзя не отмѣтить нѣкоторыя странности. Такъ, при изслѣдованіи 27 Мая колѣнныхъ рефлексовъ замѣчено, что испытуемый иногда прежде удара по колѣну молоточкомъ быстро самъ поднималъ ногу, обнаруживая этимъ какъ бы повышеніе рефлексовъ. Это явленіе было замѣчено неоднократно. Далѣе, въ разговорѣ 4 Іюня испытуемый отрицалъ, чтобы онъ когда нибудь былъ въ Челябинской больницѣ и утверждалъ, что онъ былъ въ Златоустовской больницѣ, гдѣ въ дѣйствительности онъ не былъ. Уличенный въ несправедливости И. послѣ нѣкотораго раздумья признался, что онъ дѣйствительно былъ въ Челябинской тюремной больницѣ. Кромѣ того неоднократно было замѣчено, что при врачѣ испытуемый держитъ себя такъ, что постоянно жалуется на головную боль, неопредѣленныя болѣзненные ощущенія въ области сердца, съ трудомъ говорить (какъ бы отъ слабости), безъ врача же онъ бодръ и веселъ, совершенно свободно себя держитъ, ни на какія болѣзненные ощущенія не жалуется, а напротивъ, проводивъ врача, охотно принимается за развлеченія съ другими больными. За время пребыванія въ Лечебницѣ у испытуемаго было *три судорожныхъ припадка*. Причемъ первые два начинались съ *трясенія лѣвой ноги, переходящаго на туловище; затѣмъ наступала тоническая судорога скелетныхъ мышцъ, послѣ чего испытуемый спалъ часа 3*. Передъ припадкомъ, бывшимъ 11 Іюня, И. внезапно пришелъ въ возбужденное состояніе, сильно жестикулировалъ, глаза у него блестяли, онъ кого-то ругалъ, высказывалъ, что онъ „никого не боится и что они это зря дѣлаютъ“. *Припадокъ начался и кончился одной тонической судорогой скелетныхъ мышцъ*¹⁾. Продолжительность припадка 3—5 минутъ. *Сознаніе вполне потеряно*.

Кромѣ того у испытуемаго два раза были наблюдаемы эпилептическіе припадки безъ судорогъ, но съ потерю сознанія. Такъ, 15 Января И. съ утра

¹⁾ Зрачки были расширены, болевая чувствительность потеряна.

чувствовалъ себя нехорошо, жаловался на головную боль и боль въ области сердца, на тоскливое настроеніе, по временамъ плакалъ, въ окраскѣ лица была частая переменна. Въ 6-мъ часу вечера это состояніе рѣзко измѣнилось. Испытуемый вдругъ заплакалъ навзрыдъ. На вопросъ, что съ нимъ, отвѣтилъ: „ахъ, оставьте меня, оставьте“ и еще сильнѣе зарыдалъ, хватаясь за область сердца и охая и мечась въ постели. Сильное аффективное состояніе продолжалось минутъ 5 со слѣдующими физическими измѣненіями: *эритемой на передней поверхности груди и полной потерей болевой чувствительности на всемъ тѣлѣ*. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа больной успокоился, о своемъ аффективномъ состояніи ничего не помнилъ, на вопросы отвѣчалъ вяло, былъ разбитъ и подавленъ. На слѣдующій день больной очень смутно помнилъ, что съ нимъ было наканунѣ, а многія событія совсѣмъ позабылъ, какъ-то: пилъ-ли чай, обѣдалъ, видѣлъ-ли ординатора и т. д.

13 Февраля былъ у испытуемаго припадокъ, аналогичный съ припадкомъ, бывшимъ 15 Января, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, а именно: съ утра И. былъ раздражителенъ и требователенъ и очень рѣзко реагировалъ на всякіе отказы. Лицо было красное, рѣчь заикающаяся. Въ 11 часовъ утра сильный аффектъ—тоска, плачь, хватаніе за область сердца, лица сильно блѣдное, пульсъ малый, 84 въ 1', *эритема по всей передней поверхности груди и полная потеря болевой чувствительности на всемъ тѣлѣ*. Аффектъ угнетенія смѣнился черезъ нѣкоторое время минутъ 20—30 противоположнымъ состояніемъ: И. соскочилъ съ койки, дико плясалъ и пѣлъ пѣсни. *Сознаніе вполне потеряно*. О припадкѣ испытуемый ничего не помнилъ.

Изъ вышесказаннаго такимъ образомъ видно, что испытуемый И. одержимъ эпилептическими припадками съ полною потерей сознанія и рѣзкими физическими измѣненіями, особенно со стороны сосудистой системы.

Что-же касается вопроса, въ какомъ состояніи умственныхъ способностей обвиняемый И. находился въ моментъ совершенія преступленія, то отвѣтить на него съ положительностью, по отсутствію въ дѣлѣ достаточныхъ данныхъ, говорящихъ о психическомъ состояніи испытуемаго въ то время, въ высокой степени трудно.

Изъ изложеннаго выше такимъ образомъ видно, во-1-хъ, что И., находящійся до поступленія въ Казанскую Окружную

Лечебницу болѣе мѣсяца подѣ наблюдениемъ д-ра Ю. въ Челябинской тюремной больницѣ, не былъ признанъ послѣднимъ страдающимъ эпилепсіей, а у И. лишь была допущена д-ромъ Ю. возможность подобнаго страданія; во 2-хъ, ясныхъ указаній въ признанію у И. какой-либо психической болѣзни д-ромъ Ю. не найдено. Напротивъ, множество разсказовъ И., многія дѣйствія его, особенно въ послѣдніе дни наблюдений за нимъ, съ переводомъ въ тюремный замокъ, гдѣ присмотръ строже, прекратившіяся, носятъ попытку симуляціи; въ 3-хъ, въ особомъ присутствіи Оренбургскаго Губернскаго Правленія члены врачебнаго отдѣленія наши, что изъ дѣла не видно, чтобы И. страдалъ эпилептическими припадками до и во время совершенія преступленія; въ 4-хъ, въ Казанской Окружной Лечебницѣ у И. несомнѣнно были констатированы судорожные припадки съ потерей сознанія, и наконецъ, въ 5-хъ, на основаніи наблюдений въ Казанской Окружной Лечебницѣ и обстоятельствъ дѣла съ положительностью было въ высокой степени трудно сказать, въ какомъ состояніи умственныхъ способностей находился И. въ моментъ совершенія имъ преступленія.

Остановимся и разберемъ подробнѣе вышеуказанные пять пунктовъ. Во-1-хъ, д-ромъ Ю. изъ объективныхъ явленій у И. были констатированы: временное дрожаніе тѣла или одиночныя судороги той или другой мышцы, одновременное странное выраженіе лица, временная малоподвижность его, измѣненіе механизма рѣчи, носовыя кровотеченія и послѣдовательная склонность ко сну. Для д-ра Ю. этихъ признаковъ было недостаточно, чтобы на основаніи ихъ видѣть у И. явленія эпилепсіи. И дѣйствительно, строго говоря, настолько ли характерны эти признаки, чтобы по нимъ можно было заключить о существованіи эпилепсіи у И. Да, наконецъ, не могли ли быть эти признаки симулированы? Если ближе приглядѣться къ объективнымъ явленіямъ, указаннымъ д-ромъ Ю. у И., то дѣйствительно приходится сказать, допуская даже одновременное существованіе ихъ, что сами по себѣ эти дан-

ныя еще не характерны для эпилепси и что кромѣ того они легко могутъ быть и симулированы. Въ самомъ дѣлѣ: что же въ данномъ случаѣ было бы трудно симулировать. Развѣ только носовыя кровоточенія и наклонность ко сну? А остальное, какъ-то: временное дрожаніе тѣла, одиночныя судороги той или другой мышцы и т. д. — симулировать не трудно. Съ другой стороны нельзя не сказать, чтобы объективныя данныя, указанныя д-ромъ Ю. у И., не встрѣчались при эпилепси. Напротивъ, сплошь и рядомъ мы видимъ такія физическія разстройства при эпилепси. Но однихъ ихъ недостаточно для постановки діагноза эпилепси. Это обстоятельство, по моему, и ставить врача эксперта въ очень затруднительное положеніе, чтобы дать категорическій отвѣтъ въ конкретномъ случаѣ, напр. у И., тѣмъ болѣе, что время наблюденія надъ И. д-ромъ Ю. было не особенно продолжительно и д-ръ Ю. былъ совершенно справедливъ, отказавшись категорически признать эпилепсию у И., а допустилъ лишь возможность существованія у него таковой.

Во-2-хъ. Ясныхъ указаній къ признанію у И. какой-либо психической болѣзни д-ромъ Ю. не найдено. Напротивъ, множество рассказовъ И., многія дѣйствія его, особенно въ послѣдніе дни наблюденій надъ нимъ, съ переходомъ въ тюремный замокъ, гдѣ присмотръ строже, прекратившіяся, носятъ попытку симуляціи. Относительно психическаго состоянія д-ръ Ю. высказываетъ опредѣленнѣе, чѣмъ относительно существованія эпилепси у И., а именно: во-1-хъ, не находитъ ясныхъ указаній къ признанію у И. какой-либо психической болѣзни и во 2-хъ говоритъ о симуляціи больного. Эти два обстоятельства какъ будто стоятъ въ тѣсной, неразрывной связи между собою. Съ одной стороны человекъ здоровъ, а съ другой онъ симулируетъ душевное заболѣваніе. Я далека отъ мысли ставить въ упрекъ д-ру Ю. спѣшность или категоричность даннаго имъ заключенія, а хочу указать лишь на слѣдующее обстоятельство. Если взять во вниманіе цѣлый рядъ физическихъ разстройствъ, указанныхъ д-ромъ Ю. у нашего

испытуемаго, то на основаніи ихъ казалось бы легче было констатировать у И. эпилепсію, но д-ръ Ю. допустилъ только возможность подобнаго страданія у испытуемаго и, какъ я сказалъ выше, былъ справедливъ. Чтобы судить о состояніи душевной дѣятельности того или другого лица, а особенно еще въ такомъ затруднительномъ случаѣ, какъ данный, нужны для категорическаго заключенія и болѣе или менѣе продолжительный срокъ наблюденія и вѣскія данныя. Въ данномъ случаѣ, какъ мы уже видѣли, время наблюденія надъ И. въ Челябинской тюремной больницѣ было не продолжительно, мѣсяць съ небольшимъ, а вѣскихъ данныхъ, которыя знакомили бы обстоятельно съ психическимъ состояніемъ И. не указывается. Поэтому, въ видахъ по крайней мѣрѣ осторожности и справедливости, казалось бы въ такихъ случаяхъ лучше не давать опредѣленнаго заключенія о состояніи душевной дѣятельности испытуемаго, тѣмъ болѣе, что ни что къ этому и не вынуждаетъ врача.

Д-ръ Ю. указываетъ еще на симуляцію у И., подтвержденіемъ чего, по мнѣнію д-ра Ю., служитъ то обстоятельство, что множество разказовъ И., многія дѣйствія его, особенно въ послѣдніе дни наблюденій за нимъ, съ переводомъ въ тюремный замокъ, гдѣ присмотръ строже, прекратившіяся, носятъ попытку симуляціи. Этотъ доводъ д-ра Ю. едва-ли можно считать убѣдительнымъ, особенно если еще принять во вниманіе то обстоятельство, что душевно-больные усваиваютъ гораздо болѣе легкія дисциплинарныя мѣры, чѣмъ тѣ, какія примѣняются въ тюрьмахъ.

Что касается пункта 3-го, а именно, что въ особомъ присутствіи Оренбургскаго Губ. Правленія члены врачебнаго отдѣленія нашли, что изъ дѣла не видно, чтобы И. страдалъ эпилептическими припадками до и во время совершенія преступленія, то на это одно можно сказать: такое заключеніе членовъ врачебнаго отдѣленія по меньшей мѣрѣ странно. Изъ дѣла между прочимъ видно (листъ д. 283, 291, 318 и 321), что отецъ обвиняемаго Яковъ И., мать Аксинья И.,

жена Пелагея И. и Яковъ Язовъ подтвердили, что обвиняемый И. страдаетъ припадками, послѣ которыхъ впадаетъ въ продолжительный сонъ. Правда, эти свидѣтели не говорятъ прямо, что И. страдаетъ эпилептическими припадками. Но отъ людей простыхъ, необразованныхъ, непосвященныхъ въ научное образованіе нельзя и требовать, чтобы они знали, какими припадками и чѣмъ болѣетъ подсудимый. Достаточно съ нихъ и того, что они указываютъ на какіе-то припадки, послѣ которыхъ человѣкъ впадаетъ въ продолжительный сонъ. Очевидно, члены врачебнаго отдѣленія не обратили вниманія на эти показанія свидѣтелей или не придали ему никакого значенія. И то и другое одинаково не простительно. Ужь если ссылаться на дѣло, то ссылка должна быть обоснована и всякое свидѣтельское показаніе должно быть строго взвѣшено. Въ противномъ случаѣ лучше вовсе не касаться данныхъ дѣла.

Наблюденіями и изслѣдованіями въ Казанской Окружной Лечебницѣ несомнѣнно констатировано, что И. одержимъ эпилептическими припадками. За это говорятъ: характеръ судорожныхъ сокращеній, расширеніе зрачковъ во время припадковъ, полная потеря болевой чувствительности на всемъ тѣлѣ и глубокой сонъ, въ какой впадалъ И. послѣ припадковъ, а также и рѣзкія колебанія въ сосудистой системѣ. Это съ физической стороны. А съ психической—рѣзкое измѣненіе въ состояніи душевной дѣятельности передъ припадкомъ: сильное раздраженіе и возбужденіе и полная потеря сознанія во время припадковъ и нѣкоторое время вслѣдъ за нимъ. Кромѣ того, какъ уже сказано выше, у испытуемаго два раза были наблюдаемы эпилептическіе припадки безъ судорогъ, но съ потерей сознанія. Въ этихъ случаяхъ одинъ разъ передъ припадкомъ, кромѣ субъективныхъ жалобъ И. на головную боль и боль въ области сердца, наблюдалось сильное аффективное состояніе въ смыслѣ угнетенія, а въ другой—аффектъ тоски, наблюдавшійся передъ припадкомъ, смѣнился вслѣдъ за припадкомъ противоположнымъ состояніемъ:

соскочивъ съ койки И. дико плясалъ и пѣлъ пѣсни. Помимо того въ томъ и другомъ случаѣ наблюдалась во время припадка рѣзко выраженная эритема по всей поверхности груди и полная потеря чувствительности на всемъ тѣлѣ.

Что касается 5-го пункта, самаго важнаго и интереснаго въ данномъ случаѣ, т. е. того, что на основаніи наблюденій въ Казанской Окружной Лечебницѣ и обстоятельствъ дѣла съ положительностью было въ высокой степени трудно сказать, въ какомъ состояніи умственныхъ способностей находился И. въ моментъ совершенія имъ преступленія, то причина этого заключается съ одной стороны въ томъ, что у И. за время пребыванія его въ Лечебницѣ не было констатировано какого-либо душевнаго заболѣванія, а лишь только страданіе эпилепсіей, а съ другой и въ давныхъ дѣла также не имѣется никакихъ указаній на то, чтобы И. обнаруживалъ въ то время какіе-либо признаки душевнаго расстройства. Послѣдняя причина къ сожалѣнію очень часто имѣетъ мѣсто въ судебно-медицинскихъ дѣлахъ и зависитъ отъ неполноты изслѣдованія и отъ той шаблонности, съ какою собираютъ данныя о прежней жизни испытуемаго на предварительномъ слѣдствіи, а это въ свою очередь иногда неизбѣжно отражается и на качествѣ окончательныхъ выводовъ эксперта.

Однако же хотя у И. и не было констатировано въ лечебницѣ какого-либо душевнаго заболѣванія, тѣмъ не менѣе нельзя сказать того, чтобы И. былъ совершенно здоровый человѣкъ. Изъ приводимой выше исторіи болѣзни видно, что испытуемый представлялъ изъ себя человѣка по временамъ неуравновѣшеннаго, неустойчиваго и носилъ въ себѣ признаки дегенерачіи.

Въ сферѣ чувствъ у И. отмѣчаются колебанія, настроеніе духа часто и иногда немотивированно мѣняется. По временамъ испытуемый былъ грустенъ, плакалъ, жаловался на головную боль и боль въ области сердца, сильную раздражительность и неопредѣленную тоску, доходящую по временамъ до того, что испытуемый въ это время говорилъ: „если бы кто попалъ подъ руку, убилъ-бы“, просился въ буйное

отдѣленіе „изъ боязни, чтобы не надѣлать чего-нибудь въ безпокойномъ отдѣленіи“, жаловался на боль въ сердцѣ, которая, по словамъ испытываемаго, нарастала какъ давленіе пара въ машинѣ, просилъ для облегченія выпустить кровь изъ сердца, жаловался, что ему изъ сердца бросается что-то въ голову и обусловливаетъ сильныя боли въ головѣ. Бывало и наоборотъ, что иногда незначительный поводъ въ томъ или другомъ направленіи вызывалъ благодушное, веселое и даже „счастливое настроеніе“. Это конечно существенная особенность въ душевной сферѣ испытываемаго, столь свойственная такъ называемымъ дегенерантамъ.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе поведеніе испытываемаго въ смыслѣ симуляціи душевнаго разстройства. Въ первое время по поступленіи въ Лечебницу, какъ уже выше было сказано, испытываемый давалъ крайне неопредѣленные отвѣты относительно своего положенія, своей подсудимости, времени года и вообще времени, говоря только, что теперь лѣто и ссылаясь на то, что онъ рѣшительно ничего не помнитъ съ 1899 г. и не знаетъ, гдѣ и какъ онъ провелъ время, не помнитъ будто бы и о томъ, былъ ли онъ въ какомъ-нибудь тюремномъ замкѣ и за что. Относительно убійства Мухоркина и Пашнина давалъ также въ разное время неодинаковыя объясненія: то отрицалъ всякое участіе въ фактѣ убійства, то высказывалъ, что онъ отъ кого-то, не знаетъ здѣсь, не знаетъ въ другомъ мѣстѣ слышалъ, что онъ обвиняется въ убійствѣ ямщиковъ, но самъ онъ объ этомъ фактѣ сообщить ничего не можетъ, такъ какъ не помнитъ, чтобы кто-нибудь убивалъ. То высказывалъ, что его обвиняетъ въ убійствѣ инженеръ Бѣлородовъ изъ за недружелюбнаго къ нему отношенія. Но послѣ того, какъ испытываемому была указана вся недѣльность его отвѣтовъ и противорѣчіе съ обстоятельствами дѣла и объяснено, что грубая ложь можетъ лишь повредить ему, онъ сначала допускалъ возможность убійства, а затѣмъ призналъ фактъ преступленія, передавъ и нѣкоторые о немъ подробности съ показаніемъ на то, что онъ не

помнить, что было послѣ убійства. Характеръ симуляціи однако же не указываетъ ни на ея стойкость, ни на особенную изобрѣтательность.

Но если у И. не было констатировано постоянного душевнаго разстройства, то не могло ли у него быть преходящаго, находясь въ какомъ онъ и сдѣлалъ преступленіе, наприимѣръ подъ вліяніемъ аффекта тоски, тѣмъ болѣе, что И. жаловался на тоску. Возможно конечно. Но для того, чтобы допустить подобное предположеніе, нужны данныя. А такихъ данныхъ мы въ дѣлѣ не имѣемъ. И кромѣ того какъ то невольно начинаешь сомнѣваться въ правдивости подобныхъ предположеній, когда примешь во вниманіе, насколько объ этомъ позволяютъ судить обстоятельства дѣла, поведеніе И. вслѣдъ за совершеніемъ преступленія. Вотъ въ этомъ то собственно и состоитъ трудность рѣшенія разбираемаго вопроса, когда послѣ строгаго разбора дѣла нельзя опредѣленно сказать ни да, ни нѣтъ. Еще тамъ, гдѣ судебно-медицинскія мнѣнія даются коллегіально, на пишущаго мнѣніе не падаетъ такой моральной отвѣтственности, какъ въ томъ случаѣ, когда приходится давать единоличное мнѣніе. И поэтому въ случаяхъ, подобныхъ разобраннымъ нами, для категорическаго заключенія нужна величайшая осторожность во избѣжаніе того, что ошибочное заключеніе поведетъ въ очень печальнымъ недоразумѣніямъ. И поэтому не слѣдуетъ забывать старинное юридическое положеніе: *in dubio pro reo*.
